

К 85-ЛЕТИЮ Р. Б. ХЕСИНА-ЛУРЬЕ

Увы – юбилей без юбиляра. Уже минуло 22 года со дня кончины выдающегося генетика и биохимика Романа Беняминовича (Веняминовича) Хесина-Лурье. За это время наука, разумеется, шла вперед. И тем не менее работы этого ученого не потеряли своей научной ценности.

Задача этого очерка – не анализ научного вклада Хесина, что сделают его ученики и последователи, а краткое освещение его жизненного пути, отражающего в значительной степени и историю нашей страны, и историю биологической науки.

Родился Роман 24 марта 1922 года в семье медиков. Его отец, профессор В.Р. Хесин, заведовал кафедрой хирургии санитарно-гигиенического факультета 1-го Московского мединститута, а мать, М.Е. Лурье, была микробиологом, доктором медицинских наук; окончила она и Консерваторию. От родителей он взял не только фамилии, но и необычайный интерес и преданность науке.

В ранние школьные годы, уже в 12 лет, он составил полный конспект “Происхождения видов” Ч. Дарвина. В 13-летнем возрасте начал вести тетрадь, записывая разные сведения по биологии. Там были даже цитаты из работ Моргана по определению гена. Совершенно закономерен приход 14-летнего Романа в кружок юных биологов Зоопарка – КЮБЗ. И неудивительно, что на обычный вопрос, задаваемый новичкам: “Что тебя привело сюда?”, он ответил не тривиально про любовь к животным, а сказал об интересе к дарвинизму. В КЮБЗе он сначала занимался рептилиями, потом переключился на гельминтов, подолгу просиживая за микроскопом, и заслужил прозвище “профессор”.

В 1939 г. Роман стал студентом биологического факультета МГУ. С самого начала студенческой жизни он регулярно бывал на кафедре генетики, возглавляемой профессором А. С. Серебровским, и быстро включился в экспериментальную работу. Вместе с тем он был непременным участником различных походов, экскурсий, многокилометровых пеших и лыжных прогулок. В первые летние каникулы он совершил путешествие из Москвы в Ленинград и обратно на велосипеде, в течение месяца бродил по Кавказу. Зимние каникулы на 2-м курсе он провел в Лапландском заповеднике.

А летом началась Великая Отечественная война. Втайне от родителей Роман пошел в райвоенкомат, чтобы записаться добровольцем. Там он встретил своего старшего брата Женю, студента 4-го курса исторического факультета МГУ. Каждый из них, стремясь на фронт, полагал, что другой останется с родителями. Оба оказались в истребительном батальоне. Женя погиб в самом начале войны.

Во время войны существовал приказ об ответственности за оставленное врагу оружие. Бои в части, где служил Роман, временно приняли позиционный характер. Между двумя линиями окопов, на ничейной земле, оказался наш станковый пулемет “Максим”: расчет его был убит при отступлении. Все попытки доставить пулемет в наше расположение кончались гибелью очередных смельчаков – заметив малейшее движение, противник открывал огонь. Младшему сержанту Хесину удалось в темноте подползти к пулемету, прикрепить к нему конец длинной проволоки и так же незаметно возвратиться в свой окоп. Как только потянули проволоку с пулеметом, враг открыл огонь, но никто не пострадал. Прибывший затем командир дивизии объявил о представле-

нии героя операции, то бишь Хесина, к награде орденом Красной Звезды. Выступивший из строя Роман поблагодарил по форме и сказал, что ему нужнее была бы махорочка. Ошарашенный начальник отменил награждение и приказал выдать две пачки махорки.

После войны на одном из вечеров на биофаке профессор Серебровский читал свое стихотворение, посвященное Хесину, где были слова: “и он один с пулеметом вдвоем”.

Роман был дважды ранен. После первого ранения он быстро вернулся в строй. Второе, очень тяжелое, приковало его к госпитальной койке в г. Торжке. Туда к нему в мае 1942 г. приезжала будущая жена Мария Евгеньевна Варга, с которой он познакомился при ее поступлении на биофак в 1940-м году.

Комиссованный Роман вернулся в университет в начале 1943 г. и, конечно, пошел на кафедру генетики. Тогда же в Москву возвратилась из эвакуации и автор этих строк. Мы оба к началу войны окончили два курса и хотели за оставшийся семестр перейти на 4-й. Приходилось “догонять”. Мы распределили посещения необходимых занятий, а потом делились материалами друг с другом. Это и стало началом наших дружеских взаимоотношений. Как и для большинства знавших Романа с юности, до конца его дней он был для меня “Ромкой”.

Роман выделялся на курсе как вдумчивый студент и зарекомендовал себя хорошим экспериментатором. Он не старался быть отличником. В его зачетке были четверки и даже тройки. В то время некоторые отличники, проявившие себя и на общественной работе, получали повышенную – Сталинскую – стипендию. Хесин был крайне изумлен, когда декан биофака Сергей Дмитриевич Юдинцев сообщил ему о представлении его к Сталинской стипендии. “При моем-то матрикеле!” – воскликнул он. На что декан ответил, что завтра он получит дубликат зачетной книжки, которая была “потеряна”. В новой зачетке были необходимые отметки. Интересно, что неординарный поступок декана был воспринят и студентами, и преподавателями как адекватная оценка уникальной личности Хесина-Лурье.

Здесь, мне кажется, уместно привести другой необычный поступок нашего замечательного декана, связанный со мной. При возвращении из эвакуации в Москву, когда основная часть университета еще была в Свердловске, меня не зачисляли на биофак из-за отсутствия прописки, а не прописывали, так как я не студентка. Рыдая, я рассказала об этом заколдованном круге Юдинцеву. Он порекомендовал мне подождать до конца дня, а после ухода секретаря сам сел за пишущую машинку и напечатал на бланке справку в милицию, что я являюсь студенткой.

Сталинская стипендия не только улучшила материальное положение недавно женившегося Ро-

мана, но и дала ему возможность стать по окончании университета в победном, 1945-м году, ассистентом на кафедре генетики. Казалось, что любимого ученика А.С. Серебровского ожидает блестящее будущее. Учитель писал о нем: “Еще на первом курсе им выполнено небольшое исследование на тему о времени действия летальных мутаций у дрозофилы. Хесин-Лурье успешно выполнил дипломную работу, потребовавшую от него овладения сложными генетическими методами исследования”.

Работа на кафедре генетики и влияние Серебровского стали основой становления Хесина как ученого. Он чрезвычайно ценил своего учителя. Через много лет после кончины Серебровского (он умер летом 1948 г., до сессии ВАСХНИЛ) Хесин в посвящении к своей книге “Непостоянство генома” (1984 г.) писал: “Только с годами понимаешь роль, которую сыграли в твоей жизни первые учителя. В знак благодарности посвящаю эту книгу памяти Вениамина Романовича Хесина и Александра Сергеевича Серебровского”.

В основе исследований А.С. Серебровского, ученика Н.К. Кольцова, создателя московской генетической школы, лежала кардинальная проблема гена. Логика этих исследований была блестяще описана Хесиным в статье, посвященной 80-летию со дня рождения Серебровского (Теория гена в работах А.С. Серебровского // Природа. 1972. № 8).

4 ноября 1947 г. в “Литературной газете” появилась статья Президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук академика Т.Д. Лысенко “О внутривидовой борьбе”. В ответ на нее на биофаке решили уже 11 ноября провести открытую дискуссию по проблеме внутривидовой конкуренции и основам дарвинизма, чтобы показать опасность для науки и сельского хозяйства взглядов, проповедуемых в статье Лысенко. Сам Лысенко в дискуссии не участвовал. С его стороны присутствовал главный редактор журнала “За социалистическое земледелие” Ф.А. Дворянкин. После выступления известных биологов – академика И.И. Шмальгаузена, профессоров А.Н. Формозова, М.М. Завадовского, Д.А. Сабина – блестяще выступил Хесин. Он как бы подытожил оценку вреда, который наносил Лысенко стране своей борьбой против классической генетики и теории эволюции.

Биологический факультет ликовал. Хесин стал героем. До злополучной августовской сессии ВАСХНИЛ оставалось меньше года. К счастью, Роман успел защитить кандидатскую диссертацию “Влияние материнского организма на характер развития потомства у *Drosophila melanogaster*”, которая буквально за несколько дней до сессии была утверждена в ВАКе.

После сессии санкции последовали незамедлительно. В стране сразу же перестали преподавать генетику. Во дворах университетов и научных библиотек сжигали книги по генетике. На биофаке

уничтожили коллекцию бесценных мутантных линий дрозофилы, которые в 1920-е гг. привез в подарок Н.К. Кольцову американский генетик Г. Меллер. На этих культурах учились и работали поколения студентов-генетиков. Ученых выгоняли с работы. В первый же список уволенных с биофака попал и Хесин. Он оказался безработным. Зарабатывать пришлось рефератами.

Предвидя неизбежность слияния генетики и биохимии, Роман решил переквалифицироваться в биохимика. Он прошел большой аспирантский практикум по биохимии в 1-м Московском мединституте, проштудировал учебники и руководства по этой дисциплине. В октябре 1949 г. он был зачислен младшим научным сотрудником в лабораторию химии тканей Института биологической и медицинской химии, которой заведовал профессор С.Я. Капланский. Здесь начались его пионерские работы по изучению синтеза белков в изолированных цитоплазматических гранулах. И тут Роман зарекомендовал себя прекрасным экспериментатором.

Вскоре его коснулось очередное сокращение, так как он был самым новым сотрудником. Чтобы отстоять его, два старших научных сотрудника перешли на должности младших. Когда в Институт поступил приказ о запрещении “нераскаившимся” генетикам заниматься научной работой, Хесина вынуждены были перевести в лаборанты, сохранив ему возможность получать материал, необходимый для докторской диссертации. Казалось, что его научная судьба складывается.

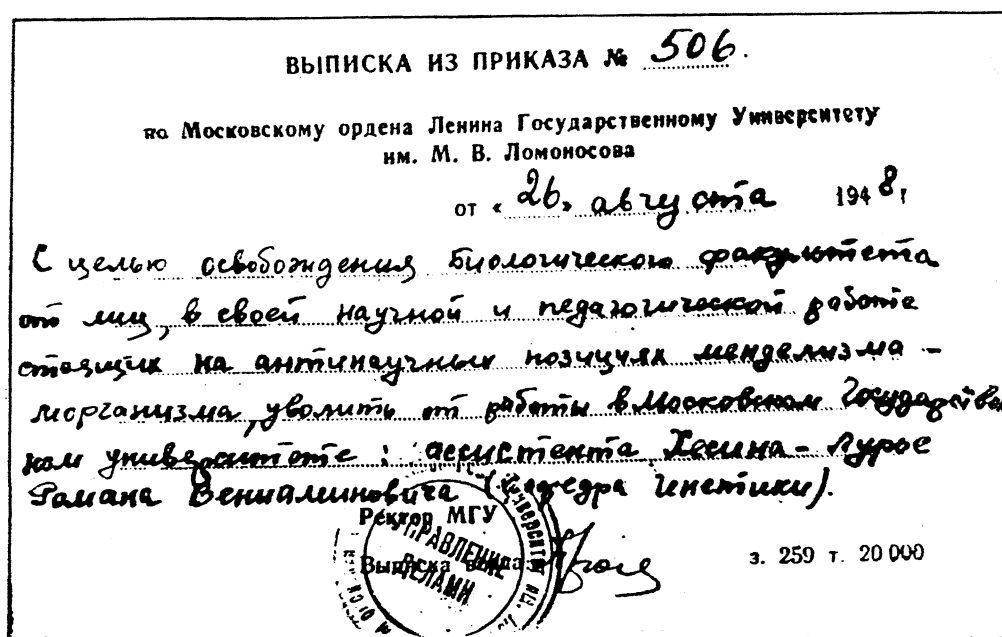
Однако в марте того же года во время так называемой борьбы с космополитизмом из Института были уволены 26 сотрудников еврейской национальности, в том числе и Роман. После смерти Ста-

лина, когда появилось сообщение об освобождении “врачей-убийц”, часть уволенных была восстановлена на работе. Но Хесин в это число не попал. Так же, как и Жозефина Григорьевна Шмерлинг, которая впоследствии работала в лаборатории Хесина, руководимой им до самой смерти, и была там, по его словам, “его правой и левой рукой”.

В августе 1954 г. Роман Беняминович получил приглашение ректора Каунасского медицинского института на должность исполняющего обязанности заведующего кафедрой биохимии. С грустью расставался он с Москвой. Тревожно было оставлять овдовевшего отца. В письмах к нему читаем: “... Уехал из Москвы с очень тяжелым ощущением отъезда в ссылку... Сильное впечатление заграницы, потери Родины”.

На кафедре был хорошо налажен педагогический процесс, но научные работы не велись. Хесин начал такие исследования. Московские друзья не только морально поддерживали его, но и приезжали и помогали с оборудованием. Сам же Роман раз в две недели на своей машине за 12–15 часов проделывал путь до столицы – надо было сохранить московскую прописку, т.е. возможность вернуться “на Родину”.

Руководство кафедрой, подготовка к лекциям занимали много времени. Все же работы по изучению синтеза белков в клеточных структурах продолжались и были обобщены Хесиным в докторской диссертации “Роль структурных компонентов цитоплазмы клеток печени и поджелудочной железы в процессах синтеза белка”. Защита состоялась в 1955 г., и 33-летний доктор биологических наук получил звание профессора. Недолгий каунасский период позволил Хесину почувствовать

свой организационный талант и способность возглавить научный коллектив.

Осенью следующего года Роман Беняминович возвратился в Москву. Он был приглашен для организации группы биохимической генетики в составе лаборатории Н.П. Дубинина. Своего помещения группа не имела, исследования проводили в разных Институтах, где работали друзья Хесина. Неудобства группы закончились, когда в 1959 г. ее пригласили в Институт атомной энергии (с 1960 г. он носит имя своего основателя и первого директора академика Н.В. Курчатова). В том же году Р.Б. Хесин выступил с докладом на Съезде биохимиков, физиологов и фармакологов в Минске, где впервые после сессии ВАСХНИЛ неоднократно звучало слово “ген”.

В 1960 г. увидела свет книга Хесина-Лурье “Биохимия цитоплазмы”, суммировавшая исследование его и других ученых о синтезе белков после разрушения клеток. В 1974 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Группа Хесина превратилась в лабораторию молекулярных основ генетики, в которой он проработал до конца своих дней. Весь биологический отдел в недрах Института атомной энергии стал основой созданного в 1978 г. Института молекулярной генетики.

В 1965 г. трагически погиб единственный сын Романа. После этого он перенес несколько инфарктов. Но его необычайная работоспособность никогда не ослабевала. Даже больничная палата превращалась в филиал лаборатории, где обсуждали полученные сотрудниками данные, правились статьи.

На протяжении многих лет Хесин был организатором знаменитых зимних школ по молекулярной биологии. Свободное время он всегда предпочитал проводить на природе – рыбалка, байдарочные походы. Во время отпуска прочитывал накопившиеся за год новинки художественной литературы. Его интересовали и новые стихи, и научные идеи в разных областях знаний, и работы художников.

В 1982 г. Хесину-Лурье была присуждена Государственная премия за цикл работ по изучению ферментов бактерий, ответственных за активность генов.

В 1984 г. Роман Беняминович тяжело заболел. Последние дни он провел в Онкологическом центре. 16 июля 1985 г. его не стало. Через год он был посмертно удостоен Ленинской премии за цикл работ “Молекулярные основы функционирования генома”. В этот цикл были включены экспериментальные работы по регуляции активности генов и книга “Непостоянство генома” – фундаментальный труд, представляющий собой обобщение работ по молекулярным основам функционирования генов. Любимый ученик Хесина – Владимир Алексеевич Гвоздев, избранный в прошлом году академиком, писал, что эта книга демонстрирует удивительное сочетание знаний автора в области классической биологии, теории наследственности и современной биохимической генетики.

В Институте молекулярной генетики ежегодно проводятся конференции памяти Хесина, приуроченные ко дню его рождения. При входе в Институт вас встречает мраморный барельеф Р.Б. Хесина и доска с надписью о том, что он здесь работал. Об этом же напоминает и металлическая доска около его кабинета.

Все, кто общался с Романом Беняминовичем, помнят каждый контакт с ним, бывшим примером честности, бескомпромиссности и преданности науке.

М.Е. Аспиз

Когда этот очерк готовился к печати, пришло горестное известие о кончине Мирры Евсеевны Аспиз – постоянного автора нашего журнала, милого и доброжелательного, одаренного во многих областях человека. Приносим свои соболезнования семье и всем любившим Мирру Евсеевну.